

Когнитивное литературоведение и концепция эстетического объекта М.М. Бахтина

Лазаренко Любовь Витальевна

Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Россия

e-mail: lazarenko.kashtan@yandex.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка интерпретации некоторых аспектов концепции «общей эстетики», разрабатываемой М. М. Бахтиным в «Вопросах методологии эстетики словесного творчества», в связи с современной ситуацией в когнитивном литературоведении; в частности рассматривается представление Бахтина об эстетическом объекте в аспекте возможности его исследования методами когнитивных наук.

Ключевые слова: нейроэстетика, когнитивное литературоведение, когнитивная поэтика, Бахтин, эстетический объект, содержание, форма.

Cognitive literary science and concept of aesthetic object by M.M. Bakhtin

Lazarenko Lyubov Vitalyevna

Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Russia

e-mail: lazarenko.kashtan@yandex.ru

Abstract: The article attempts to interpret some aspects of the concept of "general aesthetics" developed by M.M. Bakhtin in "Questions of methodology of the aesthetic of verbal creativity", in connection with the situation in cognitive literary science, in particular, Bakhtin's concept of the aesthetic object in terms of possibility his comprehension with the help of methods cognitive sciences.

Keywords: neuroaesthetic, cognitive literary science, cognitive poetics, Bakhtin, aesthetic object, content, form.

В трудах о литературном творчестве обращение к исследованиям из других областей гуманитарного знания является распространенной практикой. Значительное влияние на литературоведение оказали в свое время труды по психоанализу. За последнее столетие интерес к психоаналитическим проекциям на литературный текст претерпел заметные изменения и несколько ослабел. Сегодня все большее внимание представителей смежных дисциплин привлекают когнитивные науки. Сформировалось новое обширное поле междисциплинарных исследований: когнитивное литературоведение, когнитивная поэтика, когнитивная стилистика, когнитивная нарратология, нейроэстетика (см. например, Ахапкин [2], Burke [8]). Однако положение «пограничных» исследований художественного текста довольно неустойчиво. Относительно неопределенными или лишенным эстетической специфичности для всей области знания оказывается сам объект подобных исследований. Имеют значение и отношения, которые складываются между когнитивистикой и литературоведческими когнитивными исследованиями (далее когнитивные исследования литературно-художественного текста, как и работы, обращающиеся к проблеме аффекта в области эстетического, мы объединим в одну группу с условным названием «когнитивное литературоведение»). Речь идет о сложности интеграции когнитивных исследований литературного текста в когнитивистику и о не меньшей, если не большей, сложности интеграции методов когнитивных наук в литературоведение без риска полностью трансформировать объект исследования, во всяком случае, в его привычном понимании. Вполне очевидно также, что две эти области знания традиционно используют разные «языки поиска истины». Несмотря на то, что литературоведение «располагает тысячелетними богатыми текстовыми инстанциями человеческого познания и почти столь же продолжительной историей их изучения» [8, С. 146], чем оно преимущественно и интересно когнитивным наукам, промежуточное положение междисциплинарных исследований оказывает неизбежное влияние на их результаты и отношение к ним.

В настоящей публикации предпринимается попытка интерпретации некоторых аспектов концепции «общей эстетики», разрабатываемой М.М. Бахтиным в «Вопросах методологии эстетики словесного творчества» (первая треть XX в.) в связи с современной ситуацией в когнитивном литературоведении. Это может иметь значение, поскольку имя Бахтина периодически появляется в статьях отечественных исследователей, «освящая», в некотором смысле, как предупреждения о рисках междисциплинарных исследований этого типа [6], так и выбор «в пользу» использования

достижений когнитивистики для анализа художественного текста [5]. Между тем, бахтинский эстетический объект (в отличие от формы) кажется недостижимым для когнитивных исследований уже хотя бы в силу того, что он представляет собой не только субъективно переживаемое, но и объективно существующее художественного произведения в динамическом единстве его ценностно маркируемого содержания и множественных сложноподчиненных актуализированных им этических, эмоциональных и познавательных связей. Когнитивному же исследованию (как и любому другому специализированному исследованию) всегда доступна только одна из частей этого целого. С другой стороны, эстетический объект предстает как оформленное содержание, и это «оформление» протекает в субъекте восприятия как специфическая психическая активность: «Форма развеществляется и выносится за пределы произведения как организованного материала, только становясь выражением ценностно определенной творческой активности эстетически деятельного субъекта» [3, С. 312]. Разнообразные психологические и нейробиологические проявления этой активности становятся предметом когнитивных исследований, которые центрированы на эстетическом переживании, но остается открытым вопрос, насколько они приближают нас к пониманию эстетического объекта именно как содержания, «претворяемого» активностью субъекта (субъекта-творца и субъекта, «переживающего» творение в восприятии), но не сводимого ни к характеру, ни к результату этой активности.

Принципиально важно отметить последовательную критику «материальной эстетики» - концепции, выводимой Бахтиным на основе анализа идей формальной школы, и утверждение, что исследование формы как использованного материала, имеет существенные ограничения. Бахтин признает за материальной эстетикой способность ответить на вопросы, касающиеся материала в его отвлечении от эстетического объекта, полагая ее инструментальной адекватной для понимания «строения» произведения на одной из ступеней эстетического анализа. Однако средствами психологии, физиологии, лингвистики, с точки зрения философа, может быть решена только одна из задач, важная, но не единственная. Для решения других он предполагает создать философско-эстетическую концепцию, считая, что это именно тот путь, который позволит приблизиться к произведению искусства именно как к эстетическому объекту. Бахтин утверждает наличие эстетического объекта как производного от социального, исторического, культурного контекста, эта «общая эстетика» Бахтина не предполагает погружения в анализ нейробиологических или психологических оснований эстетического восприятия и производства. Более того, на наш взгляд, между эстетическим,

философско-литературоведческим видением Бахтиным предмета искусства и современными когнитивными исследованиями произведения в вещественности его материала (как лингвистического, так и психологического) существует не выговоренное в силу временного разрыва отношение напряжения. Несовпадение эстетической позиции Бахтина и когнитивных исследований литературного текста (их устремленность к разным целям) можно проиллюстрировать двумя цитатами, в которых, кажется, слышно эхо несостоявшейся дискуссии: а) «Необходимо, по-видимому, допустить момент содержания, который позволил бы осмыслить форму более существенным образом, чем грубо гедонистически» (Бахтин) [3, С. 274], б) «<...> когнитивная поэтика, поскольку она фокусируется на чтении, а не просто на тексте, позволяет включать в свои исследования явления, редко изучаемые, начиная с удовольствия ...» (Шмитт) [10].

Современное когнитивное литературоведение (по большей части) - продолжение, новая жизнь формализма, выросшего на почве тоски по эмпирической точности исследования, по сути, утверждает научную «доксу» о тождестве эстетического объекта и комплекса реакций на произведения искусства. Вернее, речь обычно не идет об эстетическом объекте в том виде, в каком он предстает на страницах эстетики Бахтина – не как удобное обобщение, а как еще один аспект действительности, флуктуирующей на границе произведения искусства.

На когнитивные исследования литературы (как и любого другого вида искусства) может быть ретроспективно спроецировано утверждение философа о стремлении формальной эстетики «<...> понять художественную форму, как форму данного материала, не больше, как комбинацию в пределах материала в его естественнонаучной и лингвистической определенности и закономерности <...> » [3, С. 270]. Бахтин говорит преимущественно о языке, но как материал сегодня возможно рассматривать и различные формы психической активности, состояния воспринимающего произведение искусства сознания. Формальному методу Бахтин противопоставляет понимание художественного произведения как эстетического, независимо от видов материала, которым оно оформлено, и как органически связанного с контекстом культуры, вне которого оно не может быть эстетическим объектом. Неслучайно исследователи подчеркивают возможность сближения позиций М. Ю. Лотмана и М. М. Бахтина [1, С. 187]. Лотман был исследователем, который рассматривал художественное произведение в его взаимосвязях с «большой» культурой, здесь структуралист Лотман перекликается с Бахтиным. В этой же точке пересекаются с позицией Бахтина и некоторые современные когнитивные исследования, которые

подходят к пониманию природы искусства как специфической деятельности, могущей быть понятой только во взаимосвязи с другими областями человеческой культуры в ее историческом развитии. Например, статья М. Крэйна, опубликованная в «The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies» [9]. В статье исследуются тексты английской литературы XVI века в связи с «противостоянием интуитивных моделей знания» [2, С. 333], эпистемологическим «разрывом», повлиявшим на литературу и культуру в целом. Подобные связи эпистемологической матрицы культуры и текста могут, вероятно, рассматриваться как бахтинский архитектурный элемент, разумеется, при этом следует учесть, что и представление о культуре как трансцендентальном и относительно статичном объекте не характерно для когнитивных наук. Автор статьи подчеркивает сложность перенесения исторического подхода к культурным артефактам на почву когнитивистики и настаивает на необходимости использования не только когнитивных, но и традиционных литературоведческих теорий. Сама эта проекция социальных и когнитивных феноменов на художественное произведение позволяет обнаружить моменты сопряжения между разными явлениями культуры, давая возможность исследовать произведение в его связи с более широким контекстом. Центром притяжения подобных исследовательских стратегий становится то, что Бахтиным называется содержанием эстетического объекта («Действительность познания и этического поступка, входящую в своей опознанности и оцененности в эстетический объект и подвергающуюся здесь конкретному интуитивному объединению, индивидуации, конкретизации, изоляции и завершению, т.е. всестороннему художественному оформлению с помощью определенного материала <...>») [3, С. 289].

Понятие содержания эстетического объекта М. Бахтина перекликается с «содержанием» субъективной жизни Г. Зиммеля, не сводимым ни к когнитивному содержанию сознания художника, ни к содержанию сознания «созерцателя»: «Дух производит бесчисленные порождения, которые порождают собственное самостоятельное существование, независимое как от души, их сотворившей, так и от любой другой воспринимающей или же отклоняющей их души» [7, С. 421]. Юдин А. подчеркивает, что граница здесь проходит не в традиционной плоскости: между сознанием и бытием, а внутри самого сознания [7, С. 421]. Индивидуально действующее сознание – это то же бытие, а культурная «форма», которая воспроизводится средствами этого индивидуального бытия, нечто самообусловленное, «объективированный дух». Сравним: «Эстетический объект как содержание художественного видения и его архитектоника, как мы уже указывали, есть совершенно новое бытийное

образование, не естественнонаучного, и не психологического, конечно, и не лингвистического порядка: это своеобразное эстетическое бытие, вырастающее на границах произведения путем преодоления его материально-вещной, внеэстетической определенности» [3, С. 305].

В понятии «завершения», используемом Бахтиным, словно связывается объективно протекающее событие с его эмоционально-рефлексивной (воспользуемся термином, к которому прибегает Бахтин) «транскрипцией», образующей собственную действительность. Эстетический анализ направлен на выявление познавательного и этического моментов в этом состоявшемся завершении. Однако Бахтин не утверждает безусловную познаваемость этического завершения в произведении искусства: «Самый момент этического свершения или свершается, или художественно созерцается, но никогда не может быть адекватно теоретически формулирован» [3, С. 298]. Так проблема эстетического объекта становится проблемой эпистемологической (объективное познание эстетического объекта фактически приводит к его редукции), которую Бахтин снимает, отказывая эмпирической науке в адекватности ее методов объекту: «В какой мере анализ содержания может иметь строго научный общезначимый характер? <...> анализ содержания чрезвычайно труден, а известной степени субъективности избежать вообще невозможно, что обусловлено самым существом эстетического объекта <...>» [3, С. 299]. Аргументом против попыток считать последним решением проблемы эстетического эмпирические исследования можно считать и следующее высказывание: «Все недоразумения, <...> возникающие вокруг не-словесного, вообще не-материального эстетического объекта, в конечном счете, объясняются совершенно не правомерным стремлением найти чисто эмпирический, даже пространственно и временно — как вещь — локализованный эквивалент эстетическому объекту или даже стремлением сплошь познавательно эмпиризовать эстетический объект. В художественном творчестве имеются два эмпирически наличных момента: внешнее материальное произведение и психический процесс творчества и восприятия — ощущения, представления, эмоции и пр.; в первом случае мы имеем естественнонаучную, или математическую, или лингвистическую закономерность, во втором — чисто психологическую (ассоциативную связь и т. п.). За них цепляется исследователь, боясь в чем-либо выйти за их пределы, полагая обыкновенно, что далее лежат уже только метафизические или мистические сущности. <...> важно понять именно своеобразие эстетического объекта как такового и своеобразие чисто эстетической связи его моментов» [3, С. 308].

Области современного когнитивного литературоведения располагаются на «территориях» вполне обозначенных Бахтиным, но маркированных им же как непродуктивные для «общей эстетики». Бахтин противопоставляет познавательной активности исследователя, направленной на материал, познавательную активность, направленную на содержание, понимаемое им как основной момент эстетического объекта, который не сводим ни к материалу, ни к формам психической активности творящего и воспринимающего сознания, соответственно эмпирические исследования материала, форм психической активности, в которых конституируется содержание, только подступают к эстетическому объекту, исследуют его границы, но сам он остается скрытым, непознанным.

Для когнитивных исследований художественного произведения, очевидно, не представляет трудности как работа с теми или иными особенностями композиции (в бахтинском понимании этого термина), так и со свойствами материала (в уже указанном нами — широком - значении) «без оглядки <...> на эстетический объект». Сложное целое эстетического объекта как пережитое событие осмысления «ценностного состава действительности», которое у Бахтина включает в себя активную позицию творца, «оформляющую» содержание изнутри, не кажется доступным для методов когнитивных исследований.

Важно и то, что для Бахтина существует эстетическое и неэстетическое, требующие использования разных методов, но для большинства когнитивных исследований анализ произведения художественного принципиально не отличается от анализа текстов политического, рекламного и иного характера. А это означает, что метод не изоморфен эстетическому объекту, а изоморфен, скорее, тем условиям, в которых он существует наряду с другими объектами.

Бахтин не отрицает возможности эмпирических исследований процессов оформления содержания, провидчески заявляя о возможных перспективах изучения «эмоционально-волевой напряженности формы»: «Это содержание акта вчувствования может быть осмыслено и переработано в различных направлениях: можно сделать его предметом познания (психологического или философско-этического)...» [3, С. 294], заметим, что пророческий характер «манеры письма» М. Бахтина уже ранее отмечался исследователями [4, С. 427]. Однако эстетический объект ускользает от точных исследований, возможно, в силу того, что граница между формой и содержанием (оцененным этическим поступком, художественно завершаемым произведением) проходит в той же области, что и граница между эмпирией деятельности мозга и множественными субъективно схватываемыми манифестациями сознания, постигаемыми только в интроспекции.

Список литературы:

1. Автономова Н. С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
2. Ахапкин Д. Когнитивное литературоведение: от порядка к хаосу и обратно // НЛО. 2017. № 143. С. 332-345.
3. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Изд-во «Русский словарь», изд-во «Языки славянской культуры», 2003.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.
5. Сидорова Т.А. Текстовая мотивация как когнитивный процесс эстетической коммуникации (на материале рассказов Т. Толстой) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1(42). 2015. С. 91-103.
6. Тарасова И. А. О зонах риска в междисциплинарных исследованиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 2. С. 45-49.
7. Юдин А. Георг Зиммель и Михаил Бахтин // Зиммель Г. Избранные работы. К.: Ника-Центр, 2006.
8. Burke M., Troscianko E. T. Mind, brain, and literature: A dialogue on what the humanities might offer the cognitive sciences // Journal of Literary Semantics. 2013. Vol. 42(2). P. 141-148.
9. Crane M. T. Cognitive Historicism: Intuition in Early Modern Thought // The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies / Ed. L. Zunshine. N.Y.: Oxford University Press, 2015. XVIII, 656 p. P. 15-33. DOI 10.1515/jls-2013-0006
10. Schmitt A. De la poétique cognitive et de ses (possibles) usages // Poétique, 2012/2 № 170. P. 143-162. DOI: 10.3917/poeti.170.0143. URL : <https://www.cairn.info/revue-poetique-2012-2-page-143.htm>

References

1. Avtonomova N. S. Otkrytaja struktura: Jakobson – Bahtin – Lotman – Gasparov. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2009.
2. Ahapkin D. Kognitivnoe literaturovedenie: ot porjadka k haosu i obratno // NLO. 2017. № 143. S. 332-345.

3. Bahtin M. M. K voprosam metodologii jestetiki slovesnogo tvorchestva // Bahtin M. M. Sbranie sochinenij. T. 1. Filosofskaja jestetika 1920-h godov. M.: Izd-vo «Russkij slovari», izd-vo «Jazyki slavjanskoj kul'tury», 2003.
4. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / Per. s franc., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: IG Progress, 2000. S. 427-457.
5. Sidorova T.A. Tekstovaja motivacija kak kognitivnyj process jesteticheskoj kommunikacii (na materiale rasskazov T. Tolstoj) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. № 1(42). 2015. S. 91-103.
6. Tarasova I. A. O zonah riska v mezhdisciplinarnyh issledovanijah // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2013. T. 13. № 2. S. 45-49.
7. Judin A. Georg Zimmel' i Mihail Bahtin // Zimmel' G. Izbrannye raboty. K.: Nika-Centr, 2006.
8. Burke M., Troscianko E. T. Mind, brain, and literature: A dialogue on what the humanities might offer the cognitive sciences // Journal of Literary Semantics. 2013. Vol. 42(2). P. 141-148.
9. Crane M. T. Cognitive Historicism: Intuition in Early Modern Thought // The Oxford Handbook of Cognitive Literary Studies / Ed. L. Zunshine. N.Y.: Oxford University Press, 2015. XVIII, 656 p. P. 15-33. DOI 10.1515/jls-2013-0006
10. Schmitt A. De la poétique cognitive et de ses (possibles) usages // Poétique, 2012/2 № 170. P. 143-162. DOI: 10.3917/poeti.170.0143. URL : <https://www.cairn.info/revue-poetique-2012-2-page-143.htm>

Сведения об авторе:

Лазаренко Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)